ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Альперович В. Д. Враг и Друг личности в метафорах // Концепт. – 2015. – № 12 (декабрь). – ART 15412. – 0,5 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15412.htm. – ISSN 2304-120X.

ART 15412 **УДК 159.923.2:316.6**

Альперович Валерия Дмитриевна,
кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону
valdmalp@rambler.ru

Враг и Друг личности в метафорах*

Аннотация. *В статье описано пилотажное исследование метафор Врага и Друга в связи с метафорами субъекта жизненного пути взрослой личности. В рамках данной выборки метафоры субъекта жизненного пути взрослой личности различаются. Обнаружены метафоры, в которых в разной степени выражено принятие личностью ее субъектной позиции, авторства жизненного пути. Метафоры, в которых подчеркнута «авторская» позиция субъекта, связаны с полярностью оценок Врага и Друга, усилением позитивных черт в образе Друга и негативных черт – в образе Врага. Метафоры, в которых менее выражены границы между субъектом и его социальным окружением, связаны с амбивалентностью образов Врага и Друга, атрибуцией Врагу и Другу как позитивных, так и негативных черт.*
Ключевые слова: *метафора, нарратив, субъект жизненного пути, «свой», «чужой», Враг, Друг, дискриминация, «язык вражды».*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Введение. Актуальность нашего исследования, затронутой в нем проблематики в условиях макросоциальных трансформаций в разных странах мира и России в последние десятилетия, социальной нестабильности, обострения межэтнических, межкультурных конфликтов определяется интересом психологов к конструированию и динамике образов Другого человека. Категоризация партнеров по общению в качестве «врагов» и «друзей», «своих» и «чужих» в индивидуальном и массовом сознании влияет на стратегии взаимодействия с ними. Образы «врагов» остаются в фокусе внимания также в связи с эскалацией дискриминационных практик по отношению к партнерам по общению из различных групп, наделяемых негативными характеристиками. Изучение «языка вражды» в контексте дискриминационного отношения способствует разработке и реализации программ развития у молодежи толерантности по отношению к живущим рядом с ними представителям иных религиозных, культурных, этнических и других групп.

В психологических, социологических и философских исследованиях формирование представлений о Другом человеке в различных ипостасях неразрывно связано с процессами самоопределения, Я-концепцией. В современном информационном обществе «протеевское» «Я» субъекта (Р. Дж. Лифтон), гибко варьирующего приоритетные идентичности в зависимости от сложившейся в данный момент социальной ситуации, относительно свободно меняющего сферу деятельности, внешний облик, место работы и проживания, социальное окружение, не «привязывая» себя к ним, презентирующего себя в виртуальном интернет-пространстве, оказывается то раздробленным, то неуловимым, текучим.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЮФУ (грант «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи», тема № 213.01-07-2015/15 ПЧВГ (проектная часть внутреннего гранта ЮФУ)).

Метафоры и нарративы становятся средством поддержания идентичностей субъекта, ресурсом функционирования социальных практик, способом категоризации, осмысления и интерпретации себя, других людей, социальных явлений. Их изучение позволяет выявить базис социальных установок и представлений о социальных объектах, определить их влияние на отношение к различным социальным процессам, в т. ч. на дискриминационное отношение.

Метафоры в качестве самостоятельного предмета исследования имеют богатую историю их разработки прежде всего в лингвистике. Из лингвистической когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона психология заимствовала идею о том, что метафора становится когнитивным, эвристическим инструментом, ментальной операцией, способом познания, структурирования, категоризации, конструирования и интерпретации мира, одним из неотъемлемых механизмов, схем функционирования человеческого разума. С позиций теории концептуальной интеграции G. Fauconnier и M. Turner, метафора конструирует общее ментальное пространство разных феноменов. В психологии развиваются следующие направления исследования метафор на когнитивной или дискурсивной теоретико-методологической платформе: 1) в качестве инструментов познания и конструирования социального мира (K. Inkson, 2006) [1]; 2) в качестве способа репрезентации индивидуального опыта и межличностных отношений; 3) в качестве инструмента психотерапевтической работы; 4) в качестве «ядра» персональных и групповых идентичностей (K. Inkson, 2006; L. D. Sargent, C. D. Bataille, H. C. Vough, M.D. Lee, 2011) [2, 3]; 5) в качестве средства поддержания социальных практик, социальных представлений (B. Indurkhya, 2006) [4]. Метафоры рассматриваются также в русле интеракционистской теории (символического взаимодействия между явлениями), гештальт-теории восприятия (осуществляют «проекцию гештальта»). Метафоры в дискурсе выражают эмоциональные оценки и властные отношения (B. Indurkhya, 2006) [5]. В российской психологии преобладает комплексный подход к метафорам, в основном когнитивной теоретико-методологической ориентации. Метафоры анализируются как форма объективации смысловой сферы (А. П. Якунин, 2013) [6]; выражают ценностные ориентации, репрезентируют жизненный путь субъекта (А. А. Бочавер, 2010) [7]. Они становятся средством преобразования индивидуального опыта и выступают инструментом психотерапевтической работы (И. В. Вачков, 2015; Т. А. Липская, 2013) [8, 9], предметом лингвистических и социологических исследований политического дискурса, рекламного дискурса.

На основе работ русских формалистов и французских структуралистов 1950-х гг. W. Labov предложен социолингвистический анализ устного персонального нарратива. Нарратив поддерживает, организует конструктивную природу человеческого опыта, в рамках «социально-конструктивистского» подхода становится методом познания индивидуальных и социальных практик, дискурсивным продуктом интерперсонального взаимодействия, составляет основу «Я». По мнению Й. Брокмейера, Р. Харре, нарратив (миф, сказка, правдивая и вымышленная история) анализируется как набор инструкций, норм, интегрирующих индивидуальный случай в обобщенный, культурно установленный канон, структурированный рассказ, включающий последовательный ход событий, ориентированный на действие, являющийся способом организации жизненных историй, «самости», «идентичности», осмысляющий жизненный опыт (Й. Брокмейер, Р. Харре, 2000) [10]. В русле когнитивистского направления нарратив рассматривается как объект психологического знания, анализируется с позиций структурного подхода, динамического подхода и концепции «микроисторий». В зарубежной психологии можно выявить следующие направления исследования групповых и пер-

сональных нарративов на когнитивной или дискурсивной теоретико-методологической платформе: в качестве инструментов познания и конструирования социального мира, социальных представлений; способа репрезентации индивидуального опыта, «Я» (J. L. Baddeley, J. A. Singer, 2009; K. C. McLean, 2008; M. Pasupathi, E. Mansour, 2006) [11–13] и межличностных отношений, персональных и групповых идентичностей (K. C. McLean, 2008; P. L. Hammack, 2010) [14, 15], в т. ч. в Интернете; инструмента психотерапевтической работы (J. M. Adler, J. W. Wagner, D. P. McAdams, 2007; J. L. Baddeley, J. A. Singer, 2009) [16, 17]; средства поддержания социальных практик. Рассматриваются взаимосвязи индивидуальных нарративов и личностных черт.

В российской психологии, в русле когнитивистского подхода, процесс создания автобиографического нарратива анализируется как когнитивное наложение культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев (Ф. И. Барский, 2004; В. В. Нуркова, 2012; Е. Е. Сапогова, 2005) [18–20]. Нарратив становится средством социализации личности, репрезентации ее жизненного мира, ее системы идентичностей (К. С. Кутковая, 2014) [21]. Изучается структура нарративов, в т. ч. автобиографических, выявляются пространственно-временные отношения в тексте, анализируются повествовательные коммуникации, нарративные инстанции повествования, формы, существующие в данной культуре (синтаксические, семантические, лексические особенности повествования), жизненные сценарии в автобиографических нарративах (Н. К. Радина, 2015) [22], способы организации повествования о своей жизни (Е. Е. Сапогова, 2005) [23], «варианты жизни» как наиболее обобщенные нарративные прототипы, формирующие и типизирующие личность (В. Н. Дружинин, 2005) [24]. Нарратив выступает средством формирования социальных представлений, спонтанного и целенаправленного: изучаются политическая автобиография как нарратив; нарративные представления подростков о семье; мифологический нарратив как сюжетообразующая конструкция современных телесериалов. Нарратив становится инструментом психотерапевтической практики (И. В. Вачков, 2015; Е. С. Калмыкова, Э. Мергенталер, 1998) [25, 26].

Социальными психологами отмечено, что в качестве субъекта межличностных отношений и объекта представлений (В. В. Знаков, 2012; В. А. Лабунская, 2013; Д. Н. Тулинова, 2005) [27–29] Враг выступает членом иной группы с чуждыми убеждениями, отрицательными нравственными качествами, агрессивным, завистливым соперником, способным обмануть, предать, с непредсказуемым поведением, а Друг – субъектом помощи, доверия, духовной близости, эмоциональной поддержки. Дружественное или враждебное отношение актуализируется во взаимодействии с другим человеком, воспринимаемым в качестве «своего»/«чужого» (Т. А. Шкурко, 2013) [30], «террориста» (В. В. Знаков, 2012) [31]. Авторами выявлены макрофакторы (общественная идеология, социально-экономическая ситуация в стране, влияние СМИ) (Т. П. Емельянова, 2006) [32] и микрофакторы: система социальных идентичностей личности, социальная ситуация развития, референтные группы, отношения личности на определенном этапе жизненного пути (В. А. Лабунская, 2013; Д. Н. Тулинова, 2005) [33, 34], влияние жизненных событий (В. Д. Альперович, 2010), – обусловливающие содержание представлений о Враге и Друге.

Программа и методы исследования. В зарубежной и российской психологии обнаружена метафорическая и нарративная природа социальных представлений. Несмотря на то что социальные представления о «своем»/«чужом», Враге/Друге влияют на отношение к индивиду и группе как партнерам в разных сферах общения, на конфликтность/гармоничность взаимодействия с ними, в теоретическом и эмпирическом

аспектах недостаточно изучены их взаимосвязи с биографическим нарративом личности. Рассматриваются автобиографические нарративы как репрезентация жизненного пути личности, однако не показано влияние отношений между «своими» и «чужими» на его содержание. Разработаны структура и факторы дискриминационного отношения и поведения, тем не менее, с целью решения прикладных задач психологии конфликтов, психологии безопасности личности, психологии антитеррористической деятельности необходим дальнейший анализ когнитивных предикторов феномена «дискриминация» и «язык вражды».

В связи с этим проблемой нашего исследования выступают когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о Враге, их метафорическая и нарративная основа.

Планируется эмпирическое исследование взаимосвязей метафор «своего» и «чужого» и социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге личности на этапе ранней и средней взрослости. В данной статье представлено пилотажное исследование взаимосвязей метафор субъекта жизненного пути и метафор Врага и Друга личности. Его цель заключалась в том, чтобы выявить особенности метафор Врага и Друга у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Предмет пилотажного исследования: метафоры субъекта жизненного пути, метафоры Врага и Друга личности на этапе ранней и средней взрослости. Гипотезы пилотажного исследования: 1. Метафоры субъекта жизненного пути у лиц на этапе ранней и средней взрослости различаются. 2. Метафоры Врага и Друга различны у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Методом исследования выступает категориальный анализ метафор субъекта жизненного пути, Врага и Друга. В исследовании была использована методика исследования метафор жизненного пути А. А. Бочавер с модифицированной инструкцией. Кроме метафор жизненного пути и субъекта жизненного пути мы предложили респондентам представить их метафоры Врага и Друга. Эмпирический объект исследования: 88 респондентов 21–38 лет (студенты Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону).

А. А. Бочавер выделяет семь типов метафор субъекта жизненного пути:

1) «Взрослый» («ответы, подразумевающие нормативность, рациональность, наличие опыта… значимость социального статуса» [35]).

2) «Ребенок» («образы, демонстрирующие непосредственность, искренность, беззащитность, непредсказуемость, инфантильность» [36]).

3) «Автор» («образы, в которых содержатся указания на высокий уровень субъектности…» [37]).

4) «Жертва» («образы, акцентирующие уязвимость, травматический опыт, постоянный проигрыш» [38]).

5) «Победитель» («образы, подразумевающие наличие травматического опыта и победу над обстоятельствами, преодоление препятствий» [39]).

6) «Агрессор» («образы, в которых демонстрируется активность, агрессивность, сила и непредсказуемость» [40]).

7) «Персонаж» («образы, которым свойственна искусственность, изображение чего-то неистинного» [41]).

Метафоры субъекта жизненного пути, предложенные респондентами, были обозначены в соответствии с данными типами.

С целью анализа метафор Врага и Друга были выделены следующие категории, отражающие аспекты образа Друга (В. Д. Альперович, 2010):

1. Категория «Субъект совместной деятельности».
2. Категория «Субъект, интеллектуально сходный с партнером».

3. Категория «Субъект устойчивой эмоциональной поддержки».
4. Категория «Субъект устойчивой интерактивной поддержки».
5. Категория «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнеру».
6. Категория «Эмоционально оцениваемый носитель положительных качеств».
7. Категория «Субъект устойчивых межличностных отношений».
8. Категория «Субъект отношений с другими людьми».

Также были выделены следующие категории, отражающие аспекты образа Врага (В. Д. Альперович, 2010):

1. Категория «Активный участник конфликтной интеракции».
2. Категория «Субъект враждебных отношений».
3. Категория «Субъект интеллектуальной, ценностной и конативной конфронтации».
4. Категория «Субъект манипуляций».
5. Категория «Субъект, не принадлежащий к “Мы”».
6. Категория «Субъект соперничества».
7. Категория «Субъект внутриличностной враждебности».
8. Категория «Эмоционально оцениваемый носитель отрицательных качеств».
9. Категория «Субъект отношений с другими людьми».

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе пилотажного исследования были выявлены метафоры субъекта жизненного пути респондентов. В группе 1 (88,6% респондентов) каждый респондент подчеркивает метафору субъекта жизненного пути «Автор» (например, «главная роль», «я сам», «тот, кто всем заправляет», «волшебник»). Таким образом, респонденты воспринимают себя в качестве активных субъектов их жизненного пути и берут на себя ответственность за него. В группе 2 (11,4% респондентов) у каждого респондента метафора субъекта жизненного пути «Автор» сопровождается другими метафорами: «Родитель», «Ребенок», «Жертва», «Персонаж» (например, «клоун», «актер»). Таким образом, респонденты воспринимают себя в качестве активных субъектов их жизненного пути и берут на себя ответственность за него только в определенных ситуациях взаимодействия. Респонденты могут воспринимать себя в качестве объекта активности окружающих людей и обстоятельств в других ситуациях взаимодействия.

На втором этапе пилотажного исследования были выявлены метафоры Врага и Друга. У респондентов группы 1 обнаружены зооморфные метафоры, в которых Враг и Друг уподобляются хищникам/домашним животным, метафоры, в которых образы Врага и Друга сравниваются с какими-либо артефактами или природными явлениями (например, Враг – «зло», «колючий дождь», «минное поле», «опасный человек», «змея», «злой волк» и т. д.; Друг – «добро», «поддержка и понимание», «собака», «пушистый зайчик», «плот, на котором ты плывешь по реке жизни»). Метафоры Врага и Друга представлены биполярными конструктами, в которых фиксированы только позитивные качества Друга и негативные качества Врага. В метафорах Друга акцентированы следующие категории образа Друга: «Субъект устойчивой эмоциональной поддержки», «Эмоционально оцениваемый носитель положительных качеств», «Субъект устойчивой интерактивной поддержки». Друг выполняет функции верного, преданного человека, помощника, наделенного позитивными качествами. В метафорах Врага акцентированы следующие категории образа Врага: «Активный участник конфликтной интеракции», «Субъект манипуляций», «Субъект, не принадлежащий к “Мы”», «Эмоционально оцениваемый носитель отрицательных качеств». Враг выполняет функции агрессора, предателя, обманщика, «чужого», наделенного негативными качествами.

В метафорах респондентов группы 2 Враг и Друг не уподобляются хищникам/домашним животным, артефактам или природным явлениям. Метафоры Врага и Друга представлены конструктами, в которых фиксированы как позитивные, так и негативные качества Врага и Друга (например, Враг и Друг – «учитель», Враг – «урок», «человек с другим мнением», «похожий на меня», «почти друг»). В метафорах Друга акцентирована следующая категория образа Друга: «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнеру». Друг выполняет функции партнера, занимающего доминирующую или подчиненную позицию по отношению к субъекту. В метафорах Врага акцентированы следующие категории образа Врага: «Субъект интеллектуальной, ценностной и конативной конфронтации», «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнеру», «Субъект отношений с другими людьми». Враг выполняет функции партнера, занимающего доминирующую или подчиненную позицию, по отношению к которому также проявляют непонимание, с другими ценностями и целями.

Выводы. Полученные данные свидетельствуют в пользу выдвинутых гипотез. В рамках данной выборки метафоры субъекта жизненного пути у лиц на этапе ранней и средней взрослости различаются. Обнаружены метафоры, в которых в разной степени выражено принятие личностью ее субъектной позиции, авторства своего жизненного пути. Метафоры Врага и Друга различны у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Метафоры, в которых подчеркнута «авторская» позиция субъекта, связаны с полярностью оценок Врага и Друга, усилением позитивных черт в образе Друга и негативных черт – в образе Врага. Метафоры, в которых менее выражены границы между субъектом и его социальным окружением, связаны с амбивалентностью образов Врага и Друга, атрибуцией Врагу и Другу как позитивных, так и негативных черт.

В течение основного эмпирического исследования планируется дальнейшая проверка гипотез, выдвинутых в пилотажном исследовании.

Ссылки на источники

1. Inkson K. Protean and boundaryless careers as metaphors // Journal of Vocational Behavior. – 2006. – Vol. 69. – Issue 1. – August. – P. 48–63.
2. Ibid.
3. Sargent L. D., Bataille C. D., Vough H. C., Lee M. D. Metaphors for retirement: Unshackled from schedules // Journal of Vocational Behavior. – 2011. – Vol. 42. – Issue 3. – P. 225–230.
4. Indurkhya B. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // New Ideas in Psychology. – 2006. – Vol. 24. – Issue 2. – August. – P. 133–162.
5. Ibid.
6. Якунин А. П. Исследование метафор как форм объективации смысловой сферы в представлениях подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 256–267.
7. Бочавер А. А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути человека: дис. … канд. психол. наук. – М., 2010. – 220 с.
8. Вачков И. В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Клиническая и специальная психология. – 2015. Т. 4. – № 1(13). – С. 75–88.
9. Липская Т. А. Метафора как средство изучения школьных страхов детей младшего школьного возраста: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2013. – 28 с.
10. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
11. Baddeley J. L., Singer J. A. A Social Interactional Model of Bereavement Narrative Disclosure // Review of General Psychology. – 2009. – vol. 13. – Issue 3. – September. – P. 202–218.
12. McLean K. C. Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity // Developmental Psychology. – 2008. – vol. 44. – Issue 1. – January. – P. 254–264.
13. Pasupathi M., Mansour E. Adult Age Differences in Autobiographical Reasoning in Narratives // Developmental Psychology. – 2006. – vol. 42. – Issue 5. – September. P. 798–808.
14. McLean K. C. Op. cit.

15. Hammack P. L. Narrating hyphenated selves: Intergroup contact and configurations of identity among young Palestinian citizens of Israel // International Journal of Intercultural Relations. – 2010. – vol. 34. – Issue 4. – July. – P. 368–385.
16. Baddeley J. L., Singer J. A. Op. cit.
17. Adler J. M., Wagner J. W., McAdams D. P. Personality and the coherence of psychotherapy narratives // Journal of Research in Personality. – 2007. – Vol. 41. – Issue 6. – December. – p. 1179–1198.
18. Барский Ф. И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 93–105.
19. Нуркова В. В., Днестровская М. В., Михайлова К. С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5. – № 25. – С. 2. – URL: http://psystudy. ru/index. php/num/2012v5n25/734–nourkova25. html#e3
20. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2005. – № 2. – С. 63–74.
21. Кутковая К. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 23–33.
22. Радина Н. К. Культурно-специфическое и индивидуальное в историях жизни мужчин и женщин (на материале автобиографий) // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 1. – С. 71–80.
23. Сапогова Е. Е. Указ. соч.
24. Дружинин В. Н. Варианты жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 108–124.
25. Вачков И. В. Указ. соч.
26. Калмыкова Е. С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории (часть 1) // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 97–103.
27. Знаков В. В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 23–35.
28. Лабунская В. А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. – 2013. – № 3. – С. 52–64.
29. Тулинова Д. Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: дис. …канд. психол. наук. – Ростов н/Д., 2005. – 288 с.
30. Шкурко Т. А. Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. – 2013. – № 4. – С. 81–94.
31. Знаков В. В. Указ. соч.
32. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 400 с.
33. Лабунская В. А. Указ. соч.
34. Тулинова Д. Н. Указ. соч.
35. Бочавер А. А. Указ. соч. – С. 127.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.

Valeriya Alperovich,
Candidate of Psychological Sciences, senior lecturer at the chair of Social psychology and of Psychology of person of the Academy of Psychology and of Pedagogics, Southern Federal University, Rostov-on-Don
valdmalp@rambler.ru

Personal metaphors about Enemy and about Friend

Abstract. The pilot research in this paper is about the interconnections of metaphors about Enemy and about Friend with metaphors about the subject of the life line of adult persons. Within the framework of this selection, metaphors about the subject of the life line of adult persons are different. Metaphor with different intensity of the subject position, of the authorship of the own life line are discovered by us. Accentuation of the authorship of the life line is connected with polarization of appreciations of the Enemy and of the Friend and with the strengthening of positive features of the Friend image and of negative features of the Enemy image. Metaphors with low intensity of borders between the person and his social environment are connected with the ambivalent images of Enemy and of Friend, with the attribution of positive and negative features to the Enemy and to the Friend.

Key words: metaphor; narrative; subject of life line; “own”; “alien”; Enemy; Friend; discrimination; “language of enmity”.

References

1. Inkson, K. (2006). “Protean and boundaryless careers as metaphors”, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 69, Issue 1, August, pp. 48–63 (in English).
2. Ibid.
3. Sargent, L. D., Bataille, C. D., Vough, H. C. & Lee, M. D. (2011). “Metaphors for retirement: Unshackled from schedules”, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 42, Issue 3, pp. 225–230 (in English).
4. Indurkhya, B. (2006). “Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor”, *New Ideas in Psychol*ogy, vol. 24, Issue 2, August, pp. 133–162 (in English).
5. Ibid.
6. Jakunin, A. P. (2013). “Issledovanie metafor kak form ob#ektivacii smyslovoj sfery v predstavlenijah podrostkov”, *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, № 161, pp. 256–267 (in Russian).
7. Bochaver, A. A. (2010). *Metafora kak sposob vnutrennej reprezentacii zhiznennogo puti cheloveka: dis. … kand. psihol. nauk*, Moscow, 220 p. (in Russian)
8. Vachkov, I. V. (2015). “Vozmozhnosti metafory v skazkoterapevticheskoj rabote so vzroslymi”, *Klinicheskaja i special'naja psihologija*, t. 4, № 1(13), pp. 75–88 (in Russian).
9. Lipskaja, T. A. (2013). *Metafora kak sredstvo izuchenija shkol'nyh strahov detej mladshego shkol'nogo vozrasta: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk*, Moscow, 28 p. (in Russian).
10. Brokmejer, J. & Harre, R. (2000). “Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy”, *Voprosy filosofii*, № 3, pp. 29–42 (in Russian).
11. Baddeley, J. L. & Singer, J. A. (2009). “A Social Interactional Model of Bereavement Narrative Disclosure”, *Review of General Psychology*, vol. 13, Issue 3, September, pp. 202–218 (in English).
12. McLean, K. C. (2008). “Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity”, *Developmental Psychology*, , vol. 44, Issue 1, January, pp. 254–264 (in English).
13. Pasupathi, M. & Mansour, E. (2006). “Adult Age Differences in Autobiographical Reasoning in Narratives”, *Developmental Psychology*, , vol. 42, Issue 5, September. pp. 798–808 (in English).
14. McLean, K. C. (2008). Op. cit.
15. Hammack, P. L. (2010). “Narrating hyphenated selves: Intergroup contact and configurations of identity among young Palestinian citizens of Israel”, *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, Issue 4, July, pp. 368–385 (in English).
16. Baddeley, J. L. & Singer, J. A. (2009). Op. cit.
17. Adler, J. M., Wagner, J. W. & McAdams, D. P. (2007). “Personality and the coherence of psychotherapy narratives”, *Journal of Research in Personality*, vol. 41, Issue 6, December, p. 1179–1198 (in English).
18. Barskij, F. I. (2008). “Lichnost' kak cherty i kak narrativ: vozmozhnosti urovnevyh modelej individual'nosti”, *Metodologija i istorija psihologii*, t. 3, vyp. 3, pp. 93–105 (in Russian).
19. Nurkova, V. V., Dnestrovskaja, M. V. & Mihajlova, K. S. (2012). “Kul'turnyj zhiznennyj scenarij kak dinamicheskaja semanticheskaja struktura (re)organizacii individual'nogo zhiznennogo opyta”, *Psihologicheskie issledovanija*, t. 5, № 25, p. 2. Available at: http://psystudy. ru/index. php/num/2012v5n25/734–nourkova25. html#e3 (in Russian).
20. Sapogova, E. E. (2005). “Avtobiograficheskij narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoj psihologii”, *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, № 2, pp. 63–74 (in Russian).
21. Kutkovaja, K. S. (2014). “Narrativ v issledovanii identichnosti”, *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, № 4(16), pp. 23–33 (in Russian).
22. Radina, N. K. (2015). “Kul'turno-specificheskoe i individual'noe v istorijah zhizni muzhchin i zhenshhin (na materiale avtobiografij)”, *Psihologicheskij zhurnal*, t. 36, № 1, pp. 71–80 (in Russian).
23. Sapogova, E. E. (2005). Op. cit.
24. Druzhinin, V. N. (2005). “Varianty zhizni”, *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*, t. 2, № 3, pp. 108–124 (in Russian).
25. Vachkov, I. V. (2015). Op. cit.
26. Kalmykova, E. S. & Mergentaler, Je. (1998). “Narrativ v psihoterapii: rasskazy pacientov o lichnoj istorii (chast' 1)”, *Psihologicheskij zhurnal*, t. 19, № 5, pp. 97–103 (in Russian).
27. Znakov, V. V. (2012). “Obraz vraga kak psihologicheskoe osnovanie ponimanija musul'manskih terroristov rossijanami”, *Voprosy psihologii*, № 2, pp. 23–35 (in Russian).
28. Labunskaja, V. A. (2013). “Obraz vraga v mezhlichnostnom obshhenii”, *Social'naja psihologija i obshhestvo*, № 3, pp. 52–64 (in Russian).
29. Tulinova, D. N. (2005). *Predstavlenija o Vrage i Druge v svjazi s otnosheniem k zhiz-ni na razlichnyh jetapah: dis. …kand. psihol. nauk*, Rostov n/D., 288 p. (in Russian).
30. Shkurko, T. A. (2013). “Otnoshenija k ‘svoim/chuzhim’, ‘blizkim/dalekim’ zhitelej gorodov raznogo tipa”, *Social'naja psihologija i obshhestvo*, № 4, pp. 81–94 (in Russian).

31. Znakov, V. V. (2012). Op. cit.
32. Emel'janova, T. P. (2006). *Konstruirovanie social'nyh predstavlenij v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva*, Izd-vo IP RAN, Moscow, 400 p. (in Russian).
33. Labunskaja, V. A. (2013). Op. cit.
34. Tulinova, D. N. (2005). Op. cit.
35. Bochaver, A. A. (2010). Op. cit., p. 127.
36. Ibid.
37. Ibid.
38. Ibid.
39. Ibid.
40. Ibid.
41. Ibid.

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	10.11.15	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	15.11.15
Принята к публикации *Accepted for publication*	15.11.15	Опубликована *Published*	30.12.15

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015
© Альперович В. Д., 2015